

Летопись чувств

60 лет назад была снята блокада Ленинграда

А ДО ВОЙНЫ КАК ДО ВОЙНЫ

Жили-были в Ленинграде мальчик и девочка. Было это давно, еще до войны. Мальчик ходил в юннатский кружок при институте Лесгафта. И уже тогда кружковцы были уверены: из Льва Жакова выйдет талантливейший ученый. А девочка, как о ней говорили, была юннатом «стихийным» — она собирала коллекцию бабочек и написала об этом в пионерскую газету «Ленинские искры».

По поручению руководителя мальчик написал ей письмо с приглашением прийти на занятия кружка. Она пришла. У нее были необыкновенные глаза и золотистые косы ниже пояса. Девочку звали Любовь.

Потом была практика в пригороде, и мальчик узнал, что девочка хорошо рисует, заметил ее глаза и золотистые косы. Девочка тоже, может быть, сразу выделила его. В конце дня кружковцы складывали тетради наблюдений в одну стопку. И однажды мальчик сказал: «Давай класть наши тетради рядом».

Последний школьный Новый год они встречали вместе в заснеженном Сосновском парке. Уже знали, что полюбили друг друга на всю жизнь.

В тот день, когда в школе у мальчика был назначен выпускной вечер, началась война. Они оба пришли в военкомат. Ее забраковали сразу — она была даже в школе освобождена от физкультуры. Ему сказали: «Ждите повестку».

Казарма, где разместилось ополчение, располагалась как раз в той школе, где учился Лев. Они еще успели увидеться. 12 июля 1941 года была их последняя встреча. А 15 июля Лев шел в бой под Юрками, 16 июля — там же второй бой, 17 — 19 июля — бой под Ивановском и Поречьем. Люба осталась в Ленинграде.

БЛОКАДА В ПИСЬМАХ

Теперь только письма соединяли их. Целых четыре года. «Под пулями шепчу твою имя».

«Тебя я просто жду каждую минуту, вот и все. Но в то же время молю судьбу, чтобы ты не приезжал, — здесь тебе не выжить более 2 — 3 недель».

«Теперь я лучший наводчик нашей батареи».

«То, что мы видим, переживаем, нельзя описать человеческими словами. Это войдет в историю как пропасть, как ненависть к врагу. Мы живы все четверо. Но бабушка и дедушка почти ничего не могут есть — так изменилась психология. Мы сделали запас зеленой травы и березового сока. Я работаю уборщицей в лесотехнической академии для рабочей карточки, а все остальное время трачу на госпиталь (там работаю общественницей с начала января). А дома все лежало совсем, и у меня пухли ноги, болели и не гнулись колени».

«Как отличника боевой и политической подготовки, меня на днях будут принимать в комсомол. Верю в нашу встречу».

«Твой наводчик, артмастер, химинструктор, или попросту твой Лев».

«У нас теперь масса птиц, — ведь кошек нет, а мальчишки все ослабели».

«Если бы ты знала, как мне хочется учиться, работать».

«Мне грустно и так хочется прибежать к тебе. Но пусть любовь моя крепит твою руку... Если я погибну голодной смертью, то сумею перед тем выжить все, что можно, из своей жизни. Но только этого никогда не будет. Я так окрепла, что могу пережить еще одну зиму».

Осенью 1942-го возобновил работу первый из ленинградских вузов — медицинский. Люба стала студенткой.

«Я откопала в чемодане твой портфель и хожу с ним. Это, конечно, нехорошо — с чем будешь ходить ты?»

«С тобой. Мне вдруг вспомнилось, как ты однажды не решила четыре задачи по геометрии. Как я их решил и утром передавал по телефону. А знаешь, я над ними просидел всю ночь. Когда проходишь по тем местам, где мы... в общем, улыбаюсь за меня этим местам».

Он на фронте из разбитого прицела от снайперской винтовки пытался сделать что-то вроде микроскопа.

«Удалось увидеть туфельку, несколько других инфузорий».

Она из блокадного Ленинграда посылала ему учебники по биологии.

«Здесь, в моей землянке, в нескольких сотнях метров от фрицев, при свете туфской копилки я читаю драмы Гете. С упоением читал «Эгмонта», впереди «Дочь рыбака» и «Гец фон Берлихинген».

«А я в последнее время увлекаюсь Пушкиным. Помнишь, как мы встречали весну в Удельном? А в сорок втором году я плелась запирать калитку и закрыть ставни на окнах, утром по пульсу смотрела, живы ли еще тетя и бабушка. Идя в институт, увидела афишу о «Франческе де Римини», это самая моя любимая вещь. Утром бродила по набережной Фонтанки, любясь на эти стены — разрушенные, избитые — и лучшие в мире стены... Сегодня была в концерте. Не могу обойти молчанием дорогого Карла Ильича Элиасберга. Представь, он — единственный дирижер — остался в городе в трудные его дни. Из жалких остатков после эвакуации оркестра он собрал оркестр, который 9 ноября 1941 года под грохот обстрела играл Пятую симфонию Бетховена».

А в октябре того года Люба преподнесла дирижеру букет цветов — исполнилась Седьмая симфония Шостаковича. Этот факт вошел в историю блокады.

«Я ПЛАКАЛ СЕГОДНЯ»

Шла весна сорок четвертого года. Снята блокада, но жизнь в блокадном городе не прошла бесследно. У Любы открылся туберкулез.

«Неотступно думаю о тебе. Тебе уже 21 год. Но подожди: я буду здорова, и сразу же после войны ты будешь в университете. Задыхаюсь. Дышать очень трудно... Я не хотела сразу писать, но сегодня выяснилось, что нужна мне операция».

«Я с тобой, я с тобой, мой друг... Разве ты не слышишь, как я глажу твои косы, откликнись! Я плакал сегодня утром, я не стыжусь этих слез, я сын своей Родины, я сорок месяцев ждал этих великих, бессмертных и простых слов: советская граница восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря. Стоял в строю, держал свой автомат, думал о каждом дне этих 40 месяцев. Я же русский человек, прошедший ради этого дня столько дорог и препятствий войны».

В одном из писем Лев Андреевич, начавший писать на фронте стихи, загадал: мы перечтем эти письма, «как летопись боя, как хронику чувств».

Читали и читают не только они двое. О семье Жаковых двадцать лет назад был создан фильм «Во имя жизни», его часто показывают на годовщинах снятия блокады.

Лев Андреевич окончил университет, последние годы заведовал кафедрой зоологии Демидовского университета.

Любовь Вадимовна, несмотря на предостережения медиков, родила четверых детей, у них двенадцать внуков, есть и правнуки. Среди взрослых музыканты, инженеры, преподаватели — большая дружная семья. Но у старших трудное время. Блокадным кольцом окружает их неотвратимая старость. Уже несколько лет профессор Жаков прикован к постели.

стели. Его жена при нем неотлучно.

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Блокада коснулась и нашего рода Самойловых. Летом 1944 года дед Иван Григорьевич привез со станции Пречистое в деревню Голосово своих блокадников. С трудом сошел с телеги его старший сын Иван, лицом и фигурой когда-то напоминавший молодого Маяковского, такой красивый в военной комиссарской форме. Сейчас это был седой человек с опухшими от водянки ногами. Он крепко обнял бабушку:

— Мама, я приехал к тебе умирать. Береги детей...

Его жена Марфуша в первые недели блокады все надеялась сохранить свою длинную, толщину в руку косу. Не удалось. И от скудного своего пайка она старалась что-то выделить детям, потому и скончалась в первую блокадную зиму. Младшей Галочке в семье доставалось больше других, поэтому она и оказалась нам вроде бы здоровой и живой.

А вот двоюродный брат с редким именем Уар удивлял нас постоянно. Он был до прозрачности худ, не умел улыбаться, постоянно хотел есть и тихо плакал, когда бабушка кормила его, дистрофика, часто, но понемногу. Потом сама со слезами убрала из-под его подушки куски хлеба, которые Урик приберегал на всякий случай. Иван так и не оправился от блокады.

После войны детей увезли в Ленинград, но вскоре дистрофия догнала Галю — она ослепла и умерла. Уар прожил подольше, но и в нем блокада аукнулась тяжелой неизлечимой болезнью.

ЯРОСЛАВСКИЕ БЛОКАДНИКИ

Так исчезали целые семьи. Маргарита Александровна Смолякова принесла довоенную фотографию. Отец Александр Савелов, мать Елизавета с новорожденной Идой на руках, братья Павел и Анатолий в полосатых рубашечках с белыми воротничками. К началу войны в семье будут еще двое.

Отца взяли на фронт, Елизавета осталась с пятью детьми.

бодиться от лишних вещей перед длительным переходом, они выкинули по караваю хлеба и потом в голодные блокадные дни все вспоминали этот хлеб. Рыли противотанковые рвы, убирали овощи для армии, работали в госпиталях.

Для Нины самым тяжелым оказался декабрь 1941 года. Паек убавили до 125 граммов, а у нее к тому же в очереди знакомый студентка выхватила из рук хлебную карточку и убежала. Больше ее в институте не видели. Девушке грозила голодная смерть. Но ярославские подружки Катя и Надя три недели отдавали ей из своих 125 граммов маленький кусочек хлеба и спасли. Совсем обессиленных студентов вывезли по Дороге жизни.

По этой же дороге пятилетним вывезли Юрия Николаевича Куваева. И сейчас подполковник милиции отчетливо помнит этот ледяной путь и первую кружку сладкого чая на том берегу Ладожского озера.

МАМА УШЛА НА ФРОНТ

Блокадники помнят все. Несколько дней назад Владимир Николаевич Алексеев принес нам удивительный документ — письмо своей матери Валентины Васильевны Алексеевой.

Ярославская учительница добровольно ушла на фронт. Была зачислена в Красносельский зенитно-артиллерийский полк № 169, который стоял на переднем крае обороны Ленинграда.

«Снятие блокады началось с района Пулковских высот. Наш 2-й дивизион — батареи 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я — участвовал в этом событии от самого Пулкова», — писала комсорг зенитного дивизиона, разведчица Алексеева, награжденная медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

15 января 1944 года она получила шифровку о времени начала артобстрела с Пулковских высот, о часе, когда в атаку пойдет пехота, и передала донесение на батарею. К письму приложена схема: противотанковые рвы, минные поля, позиции батарей, Стрельна, Сосновка, Каменка, Кировский завод, Лигово... «Запомните все... Это история живая и настоящая».

Через несколько дней ее не стало.

ЖИВАЯ БОЛЬ

В эти дни вся Россия помнит трагедию и подвиг Ленинграда. Блокада была и осталась болью всего народа. Только через Ярославль прошло свыше 500 тысяч блокадников, 316 тысяч из них были размещены на территории области. Ярославль стал пристанищем для многочисленных представителей ленинградской интеллигенции, например, для архитекторов во главе с академиком Александром Никольским, создателем Кировского стадиона. Об этом писала наша газета, и потом мы получили множество откликов из разных городов России. В годы войны в области было открыто 200 детских домов для блокадников. До сих пор мы получаем письма их постаревших воспитанников, которые с благоговением вспоминают своих воспитателей, учителей, жителей сел и деревень, деливших с ними последний кусок.

Для десяти тысяч ленинградцев Ярославская земля стала местом вечного упокоения. Тринадцать памятников стоят в местах наиболее крупных захоронений: памятник погибшим детям блокадного Ленинграда, памятник разбитому эшелону под Рыбинском, братская могила на Леонтьевском кладбище... И память — в каждой семье.

Инна КОПЫЛОВА.